

АКТЕРЫ
И РОЛИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОСОГОРОВА

Откуда-то из темноты кулис на авансцену выходит пожилой человек в шляпе и пальто с бархатным воротником. Такие пальто любила носить до революции русская интеллигенция. Очень просто, так, как будто бы перед ним не зрительный зал, а обычная комната, в которой сидят несколько человек, он представляется, называет фамилию, имя, отчество — Косогоров Алексей Иванович... В руках у него книга, и, сняв шляпу, он чуть неловким, каким-то очень «домашним» движением старается взять ее поудобнее.

Если вообще возможно заставить людей, еще не узнавших как следует человека, проникнуться к нему доверием и участием, то народный артист СССР Л. Свердлин, играющий роль писателя Косогорова в драме братьев Тур «Побег из ночи», вполне достигает этого.

Подлинная простота, высокая органичность исполнения, свойственные Л. Свердлину, в полной мере проявились в этом спектакле, показанном на днях свердловчанам театром имени Вл. Маяковского. Свердлин—Косогоров театрален в том именно смысле, что в нем нет ровнехонько ничего нарочито театрального. Смотришь на него, на его немного усталое лицо, на умные живые глаза, видишь, как он сутулится, вслушиваясь в интонации, с которыми он говорит, и сказать о нем тоже хочется просто и незатейливо: славный, очень милый человек.

Создать такое именно отношение к своему герою для артиста особенно важно потому, что рассказ, который он ведет со сцены,—рассказ о тяжелой судьбе русского писателя-эмигранта, потерявшего родину и мучительно выстрадавшего право вновь называть себя ее сыном, — должен восприниматься как исповедь хорошего, но много ошибавшегося человека.

Разумеется, «хороший», «добрый», «славный» — категории сами по себе отвлеченные. Л. Свердлин наполняет их совершенно определенным содержанием. Он создает характер сложный и противоречивый, рисуя его в

столкновении социальных и этических воззрений своего героя.

Какие силы борются в душе Косогорова, каково, если можно так выразиться, соотношение этих сил? Не очень сложно прочесть пьесу, сделать скрупулезный анализ образа и ответить на эти вопросы. Но актерская работа — не риторика. Разговор тут идет на языке чувств, и, отлично владея этим языком, Свердлин точно соизмеряет линии эмоционального воздействия на зрителя. Сословная ограниченность писателя-эмигранта, считающего себя убежденным врагом большевизма, не жалеющего сарказма в разговорах о новых хозяевах России, как-то перекрывается у него душевной чистотой, трогательной всепоглощающей любовью к родной земле.

Вот в разговоре с советским летчиком Свердлин—Косогоров высмеивает советские порядки. Он это делает зло, и все-таки... где-то вторым планом проглядывает его сомнение в своих собственных словах. Зритель видит, чувствует: делает он это скорее по инерции, чем по убеждению, делает, а сам мучительно о чем-то думает.

Этот вывод психологически подготовлен такой сценой. Верный друг Косогорова, его слуга Лукьян — роль его отлично играет заслуженный артист РСФСР М. Орлов — дарит писателю в день рождения вырезанную из дерева игрушку, какие продавали на русских ярмарках. И лицо Косогорова, за минуту до этого мрачное, проясняется. Он весь оживает, глаза озорно блестят, а ноги словно сами подгибаются и начинают «выводить» камаринского. Столько в этой сцене непосредственности, столько человеческого обаяния, что сильнее начинаешь понимать всю горечь самоизгнания Косогорова.

А монолог о мужичке?! Только что Косогоров выслушал злые речи одной из белоэмигрантских кликуш, полные ненависти к этому мужичку, вышедшему из повиновения. Его ответ ей — гневное обличение этих

кликуш. В нем целая гамма чувств, настроений — и злая ирония, и грусть, и раздумье над собственной судьбой.

Русский человек, глубоко интеллектуально одаренный и честный, берет верх над эмигрантом и противником большевизма. Эту мысль актер проводит настолько убедительно, что ни у кого не остается сомнений в закономерности возвращения Косогорова.

И еще. Думается, что органичность созданного актером образа объясняется во многом тем, что Свердлин очень тонко уловил особенность психологии героя. Косогоров — писатель. Мир он воспринимает не столько через явления, сколько через людей, его окружающих. Артист находит очень точные детали, характеризующие отношение Косогорова к людям. Он говорит о Вонлярской, злобствующей белоэмигрантке: «Вздорная баба и... перхоть на воротнике». Короткая заминка перед словом «перхоть» и безразличное движение при этом выражают больше, чем самые многословные излияния. И вторая встреча с советским летчиком во время войны... В голосе Косогорова отцовская ласка. Именно отцовская.

Не везде, далеко не везде драматургический материал работает на актера. Есть в спектакле сцены, в которых органичность и искренность Свердлина—Косогорова входит в некоторое противоречие с игрой его партнеров. Это относится к сценам в гестапо. Но это уже тема другой статьи.

Л. Свердлин — не только актер, но и один из режиссеров спектакля — создал в содружестве с постановщиком — заслуженным деятелем искусств РСФСР В. Дудиным обобщенный тип человека, вся жизнь которого говорит: нельзя жить честному человеку вдали от родины, от своего народа.

Р. БУХАРЦЕВ.

* * *

На снимке: Косогоров — народный артист СССР Л. Н. СВЕРДЛИН.

196